осмысливай личную жизнь, она есть призракъ, если не основывается на отреченіи отъ себя для служенія человѣчеству; этотъ призракъ разлетается при первомъ прикосновеніи разума. Въ томъ, что моя личная жизнь погибаетъ, а жизнь всего міра, по волѣ Отца, не погибаетъ, и что только сліяніе съ нею даетъ мнѣ спасеніе—въ этомъ я не могу усумниться. Больше ли у меня будетъ непріятностей, раньше ли я умру, исполняя волю Христа, мнѣ не страшно. Это страшно тому, кто не видитъ, какъ безсмысленна и погибельна его одинокая жизнь. «Но я знаю, говоритъ Толстой, что жизнь моя для личнаго одинокаго счастья есть величайшая глупость, и что послѣ этой глупой жизни я непремѣнно только глупо умру»[15]).

Земная личная жизнь безсмысленна, а вѣрованіе въ будущую личную жизнь должно быть признано низменнымъ и грубымъ представленіемъ, которое основано на смѣшеніи сна со смертью. Оно свойственно дикарямъ; но еврейское ученіе, не говоря уже о христіанскомъ, неизмѣримо выше его. Одна мысль, что за добрыя дѣла я буду награжденъ блаженствомъ, а за дурныя—вѣчными муками, лишаетъ ученіе Христа его главной основы.

III.

Толстой старается показать въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, какъ нелѣпъ весь нашъ бытъ, какъ ужасенъ гнетъ, который является удѣломъ большинства, и какъ безсмысленны и унизительны наслажденія, которыми тѣшитъ себя обезпеченное меньшинство.

Рабство нашего времени не только не уступаетъ рабству прошедшихъ вѣковъ, но, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, обрушивается на милліоны людей еще гораздо большею тяжестью. Толстой напоминаетъ о чудовищно долгомъ рабочемъ днѣ, объ увѣчьяхъ, которыя причиняютъ работникамъ машины, о краткой средней жизни неимущихъ классовъ сравнительно съ жизнью людей состоятельныхъ, о ядахъ, которыми заражаются работники въ зеркальныхъ, спичечныхъ, табачныхъ фабрикахъ. Общество равнодушно ко всѣмъ этимъ возмутительнымъ явленіямъ. «Узнавъ, напримѣръ, про 37 часовую работу грузчиковъ и про ихъ дурное помѣщеніе, мы тотчасъ же пошлемъ туда получающаго хорошее жалованье инспектора, запретимъ работу свыше 12 часовъ, предоставляя лишеннымъ одной трети заработка рабочимъ кормиться,